

РЕБЁНОК, КАК ЖЕРТВА НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Child as a Victim of Domestic Violence

Elena Karpuszenko

Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie, Poland

Abstract. *Domestic violence is undoubtedly a topical yet still embarrassing problem of contemporary families. Violence leaves an imprint on human mental health, thus negatively affecting the development and functioning of a child. The aim of this paper is to present views to various aspects of a child being a victim of domestic violence, at least from the standpoint of being the witness of violence of one parent against the other or experiencing physical or sexual abuse. This paper presents investigations of the violence against children and the analysis of selected problems discussed in the literature.*

Keywords: *child, victim of violence, physical and psychical violence, witness.*

Введение

Introduction

Явление насилия в семье это международная проблема, которая появляется в семьях независимо от расы, происхождения, религии или социально-экономического статуса. Домашнее насилие представляет особый интерес, как для теоретиков, так и для практиков, пытающихся противостоять насилию и помогать жертвам.

Согласно Всемирной Организации Здоровья насилием является «преднамеренное применение физической силы или власти, которое может иметь как характер угрозы, так и реального воздействия, направленное против самого себя, другого лица или против группы лиц или сообщества, которое причиняет либо с большой долей вероятности может причинить физический либо психологический вред, быть причиной смерти либо нарушения развития» (Makara-Studzińska, 2010: 11). Таким образом, насилие - это любое действие, направленное на причинение физического и/или психологического вреда индивидууму. Насилием также является отказ или неспособность принять меры. В литературе различают четыре основных типа насилия: физическое, психологическое, сексуальное и пренебрежение.

Каждый член семьи может стать жертвой насилия в семье. Чаще всего, однако, жертвами являются женщины и дети, потом пожилые люди и реже

всего мужчины. Целью артикула будет теоретический анализ ситуации детей – жертв насилия в семье. Работая в группах противодействия насилию в семье часто встречаюсь с ситуацией невосприятия ребёнка как жертвы.

Положение ребёнка в проблемной семье *Situation of children in families with violence problems*

В соответствии с Законом о борьбе с насилием в семье (2005, статья 2, § 2) насилием в семье является «единичное или неоднократное умышленное действие или бездействие, нарушающее права или личные потребности лиц (...), в частности, подвергая эти лица риску смерти, утраты здоровья, унижению их достоинства, нарушению физической неприкосновенности, свободы, включая сексуальную, наносящее ущерб их физическому или психическому здоровью и причиняющее боль и моральный вред». Согласно с тем самым законом, членом семьи является близкий человек, по определению Кодекса о семье и опеке (1964) или другой совместно проживающий и ведущий домашнее хозяйство человек. Это означает, что в соответствии с законом, мы также семьёй считаем лица, живущие в неформальных брачных отношениях.

В этой статье расскажу о наиболее уязвимых членах семьи, о детях. В ситуации физического насилия в отношении ребенка (избиение, удушение, нанесение ожогов и т. д.), эта ситуация недвусмысленная - ребенок считается жертвой насилия. К сожалению, очень часто должны быть четкие следы этого злоупотребления, чтобы соответствующие службы могли принять меры. Например, часто ребёнок, попадая в больницу с серьёзными травмами или переломами, не попадает в систему помощи, потому что врач не инициирует процедуру «Голубой карты» (направленную на оказание помощи жертве насилия). Это потому, что врачи не хотят тратить свое время на участие в допросах или судебных слушаниях, они также объясняют, что они не хотят бросать поспешные обвинения против родителей пациентов. Между тем, врач обязан вмешаться в случае насилия, и имеет множество инструментов для распознавания симптомов насилия.

Согласно ранее упомянутому законодательному определению насилия, любое преднамеренное нарушение физической неприкосновенности также является актом насилия. Между тем, многие родители шлепок ребёнка рукой или физическое наказание рассматривают как форму воспитания, часто оправдывая себя тем, что они также в детстве получали ремнём и выросли людьми. Часто родители также объясняют, что они не бьют сильно и что другие методы не помогают. В Польше физическое наказание запрещено - «лицам, имеющим родительские права и тем, кто осуществляет опеку или уход за несовершеннолетним, запрещается применение телесных

наказаний» (Семейный и опекунский кодекс, 1964, статья 961). Также статья 37 Конвенции о правах ребенка (1991) запрещает унижающее достоинство обращение и физическое наказание детей. По какой-то причине мы, взрослые, объясняем, что мы нервничаем, что ребенок по-другому ничего не понимает, но мы должны задуматься, можно ли нам что-то объяснить при помощи физической силы? По какой-то причине мы даём себе право бить более слабого, беспомощного и безгранично доверяющего нам человека, и мы называем это воспитанием. Второй вопрос - потеря самоконтроля. Удивительно, но мы теряем самоконтроль, когда перед нами стоит слабый человек, а не когда, например, раздражает нас менеджер или директор, кто-то более сильный, чем мы. Более того, если мы так легко теряем контроль над своим поведением, возможно, родитель должен пойти на терапию для контроля эмоций, а не издеваться над ребёнком.

Другим аспектом насилия в семье является использование психологического насилия, то есть всех форм унижения, изоляции, критики и т. д. Психологическое или эмоциональное насилие очень трудно доказать, и часто, если у потерпевшего нет доказательств, остается только слово против слова. К счастью, в Польше растет степень понимания необходимости распознавания психологического насилия и реагирования на него. Жертвы все чаще сообщают о факте психологического насилия, а соответствующие службы инициируют процедуру помощи.

И опять же, в случае психологического насилия в отношении детей, ситуация совершенно иная, как будто психологическое насилие над детьми не существует или является маргинальным явлением. В течение нескольких лет работы в группе по предотвращению насилия в семье и работе с жертвами и лицами, совершившими насилие, я не сталкивалась с сообщениями о психологическом насилии в отношении ребенка. В то же время всякая ссора между родителями или физическое насилие в отношении взрослого члена семьи является актом насилия в отношении ребенка. Между тем родители часто говорят, что если ребенок не присутствовал во время ссоры или избиения, этот инцидент не затрагивает его психику или, например, они думают, что ребенок всё ещё слишком мал, чтобы понять, а ведь даже базовые знания в области детской психологии показывают, что дети понимают и воспринимают гораздо больше, чем взрослым кажется. В случае вмешательства в ситуацию насилия в отношении взрослого в семье ребенок может рассматриваться только как свидетель насилия, если он непосредственно присутствует при инциденте, а должен автоматически считаться жертвой насилия. Если в семье насилие применяется к взрослому человеку и есть дети, учреждение, инициировавшее процедуру «Голубой карты», обязано информировать суд о возникновении такой ситуации и подать заявление о рассмотрении положения ребенка в семье.

Отдельной проблемой является то, что взрослые часто жестоко обращаются с детьми, обзывают их, например, «идиот», «дебил», «ты безнадежен» или лишают ребёнка своего внимания, говоря, что не любят ребёнка или применяют эмоциональный шантаж («ты меня в могилу отправишь», «мама/папа из-за тебя плохо себя чувствует», «мы столько пожертвовали тебе, а ты такой неблагодарный»). Возможно, каждый из нас слышал эти слова хотя бы один раз в своей жизни, в некоторых семьях это «норма», а большинство из нас не видит в этом ничего опасного. Тем не менее, слова могут оставлять более глубокие раны, чем удары, особенно если речь идёт о незрелой психике ребенка. Родители ожидают от своего ребенка поведения взрослых, а сами далеко не всегда ведут себя как взрослые.

Ребенок, или, скорее подросток, также может быть виновником насилия в семье. Случаи несовершеннолетних, применяющих насилие в отношении других членов семьи, составляют около 10 % всех случаев жестокого обращения детей в отношении родителей (поскольку взрослые дети на много чаще плохо относятся к своим родителям). Здесь ситуация однозначная, насилие происходит по вине ребенка. Это происходит по нескольким причинам. Чаще всего насилие над родителями (скорее над матерями) применяется молодым человеком, употребляющим наркотики или другие психотропные вещества. Другим примером является ситуация, когда дети любой ценой хотят принудить своих родителей к соответствующему поведению или решению и угрожают им, что иначе они будут вызывать полицию. Пример профессиональной практики: 17-летняя девочка хотела поехать с друзьями на каникулы, а её родители не соглашались и не хотели финансировать эту поездку. Сначала подросток сообщил о предполагаемом насилии воспитателю и школьному учителю, угрожал убежать из дома и самоубийством. Поскольку это не помогло, девочка спровоцировала драку со своей матерью, а затем вызвала полицию, утверждая, что она боялась избиения со стороны матери. И, наконец, ситуации, когда ребенок по разным причинам (например, психическое заболевание, эмоциональные расстройства или убеждения, что он является главой семьи), плохо относится к родителям. В качестве примера можно привести ситуацию, когда подросток после развода родителей решил, что он глава семьи, и начал регулярно избивать младшую сестру за всякие провинности. Кроме того, он начал контролировать свою мать, проверять ее телефон, запирает в комнате, если она хотела куда-то пойти, он забирал у неё деньги. Позже он объяснил, что мать была безответственной, и кто-то должен был её облагоразумить.

Характеристики детей жертв насилия *Characterization of children of violence victims*

Общенациональная диагностика домашнего насилия показывает, что 71 % подростков в возрасте от 11 до 17 лет испытали на себе как минимум одну из форм насилия, а основываясь только на «голубых картах», составленных полицией (не считая других уполномоченных лиц), в 2012 году в Польше было 21394 тыс. детей жертв насилия в семье (Przemoc wobec dziecka w Polsce, 2013, 5-8). В 2016 году в статистике полиции было зарегистрировано 14200 тыс. детей жертв домашнего насилия (Włodarczyk, 2017: 195). Хотя в 2016 году произошло сокращение зарегистрированных полицией актов насилия в отношении детей, следует отметить, что в то же время увеличилось число составления школами и социальными работниками «голубых карт».

Масштабы проблемы жестокого обращения с детьми со стороны самых близких членов семьи до сих пор неизвестны. Статистика опирается на процедуры, инициированные полицией, которые, однако, не включают детей, так называемых свидетелей насилия в семье, и тем более неизвестно число детей, пострадавших от сексуального насилия. Аналогично выглядит ситуация, когда речь идет об исследованиях, касающихся детей жертв насилия. Из-за сложности темы и необходимости заботы, в первую очередь, о благополучии ребенка, доступно лишь немного исследований, характеризующих жертв насилия. Ниже ниже предоставляется одно из них. Автор, Марта Макара-Студинька, провела свои исследования на двух группах – клинической (299 человек) и контрольной (301 человек). Исследования проводились в период 2003-2007 (Makara-Studzińska, 2010: 51).

Во время одного из исследований была сделана попытка охарактеризовать молодежь, переживающую насилие, с учетом типа насилия, применяемого к ним. Анализ результатов позволил выделить четыре типа. *Тип А* - это применение физического и эмоционального насилия. В этой группе доминировала молодежь после попыток самоубийства (46,43 %) и подростки, употребляющие психотропные вещества (39,29 %). Дети с расстройствами питания составляли 14,29 % респондентов из типа А. Эта группа жертв демонстрирует значительную интенсивность невротизма и низкий уровень проблем в отношениях со сверстниками. Интересно, что молодежь характеризуется позитивным отношением к жизни. Это люди с чрезмерным самоконтролем. Жертвы данного типа редко используют словесную агрессию, но имеют серьезные проблемы с контролем физической агрессии. Они имеют наивысшие результаты в области скрытой агрессии. Молодежь в этой группе ценит

такие показатели, как физическая подготовка, доброта, деликатность и богатство. Недооценка сложных ситуаций и самоагрессия - типичные способы реагирования на стресс. Большинство респондентов воспитывалось в полноценных семьях. Когда речь идёт о саморазрушительном поведении, у 85,14 % респондентов в этой группе были суицидальные мысли (Makara-Studzińska, 2010: 71-79, 98-102).

В *группе Б* в первую очередь использовалось физическое насилие. Большинство из этой группы – это дети, употребляющие психотропные вещества (70,59 %) и молодые люди после попыток самоубийства (29,41 %). Дети в этой группе получили самые низкие оценки в области невротизма и самые высокие результаты с точки зрения враждебности к окружающей среде и физической агрессии по отношению к другим. Для них больше всего важны гедонистические и эстетические ценности, такие как популярность, жизнь, полная приключений и мужество. Наиболее распространенным способом реагирования на стресс было преуменьшение, компенсация и отказ от действия. 60 % респондентов выросло в полноценных семьях, а 37,65 % в семьях с одним родителем. 71,76 % респондентов употребляли наркотики и более 50 % пытались совершить самоубийство (Makara-Studzińska, 2010: 71-79, 98-102).

Третий - *тип В* - касается сексуального насилия. Здесь преобладали молодые люди с нарушениями питания (53,75 %) и молодёжь после попыток самоубийства (30,38 %). Жертвы получили высокие оценки в области невротизма и негативной самооценки. Субъекты данного типа характеризовались низкими результатами во всех типах агрессии. Больше всего для них важны моральные ценности и правда, а также дружба, любовь и чувство юмора. В ситуации стресса они стараются преуменьшить проблему или угрозу. 52,32 % жертв этой группы воспитывалась в неполных семьях. 34,38 % употребляли наркотики хотя бы один раз, но суицидальные мысли возникали у большинства респондентов (71,88 %) (Makara-Studzińska, 2010: 71-79, 98-102).

Последний *тип Г* касался главным образом эмоционального насилия. Большинство в этой группе это молодёжь с нарушениями питания (75,68 %) и люди после попыток самоубийства (23,32 %). Жертвы этой группы проявили повышенный уровень невротизма и добросовестности и низкий уровень враждебности к окружающей среде. У жертвы из этой группы преобладала словесная агрессия. Субъекты предпочитают религиозные ценности и правду, они ценят интеллект, доброту и богатство. Молодёжь справляется со стрессом при помощи таких механизмов, как отказ от действия, пассивность, поиск решения или самоагрессия. Они имеют самый негативный образ себя из всех типов. Чаще всего они родом из полных семей (68,92 %). У более половины респондентов были суицидальные

мысли (58,11 %), у большинства никогда не было инцидента с использованием наркотиков (Makara-Studzińska, 2010: 71-79, 98-102).

Противодействие домашнему насилию

Preventing violence in families

Как ранее упоминалось, вопрос насилия в семье регулируется Законом о борьбе с насилием в семье, в котором определяется порядок оказания помощи, как жертвам, так и лицам совершившим насилие. Основой для начала помощи является запуск процедуры «Голубой карты» и создание рабочей группы, которая будет заниматься конкретным случаем. По закону, такой семьёй занимается социальный работник, участковый, часто инспектор по делам несовершеннолетних, а в случае детей ещё и школьный педагог, а иногда и суд. Кроме того, согласно закону, проводятся профилактические и образовательные мероприятия, целью которых является повышение осведомленности общества об актах насилия, особенно в отношении детей (например, в средствах массовой информации, общенациональных социальных кампаниях) и просвещения взрослых о последствиях насилия.

Теоретически система противодействия насилию в семье достаточно хорошо продумана. Однако, как всегда, дьявол кроется в мелочах. И здесь следует сделать несколько комментариев о реализации помощи для ребенка. Если в семье, в которой есть ребёнок, существует насилие по отношению к её взрослому члену, в суд автоматически направляется просьба об ознакомлении с семейной ситуацией ребёнка. Если во время собеседования инспектор по делам несовершеннолетних не находит угрозы, вмешательство суда заканчивается, в остальных случаях наступает ограничение родительских прав и семье назначается инспектор по делам несовершеннолетних. В принципе, в этой ситуации помощь для ребенка заканчивается, а действия направлены на родителя-жертву. Следует отметить, что для некоторых семей, для которых вмешательство происходит в первый раз, заинтересованность суда является мотивирующим фактором для изменения собственного поведения. К сожалению, это нельзя сказать о семьях, в которых есть дополнительная проблема с алкоголем, или «Голубая карта» появляется не первый раз.

Другая проблема заключается в том, чтобы представлять права ребёнка жертвы. Часто есть ситуации, когда насилие над ребёнком применяется обоими родителями, а затем в процедуре «Голубой карты» ребенок не представлен никем. Рабочая группа должна принять решение о передаче дела в суд, с целью установления другого законного опекуна, который будет представлять интересы ребёнка и размещении ребёнка в приёмной семье. В

польской системе предпочтительнее размещать детей у опекунов, связанных с ребенком (родственников). Иногда, однако, бывают ситуации, когда приемный опекун часто остается в близком контакте с лицом, совершившим насилие. Примером этого является сообщение о насилии в отношении трёх детей (3, 5 и 6-летних), где бабушка, которая заботилась о детях своих двух дочерей, была указана как лицо совершившее насилие. Бабушка неоднократно применяла физическое наказание к маленьким детям, и, кроме того, она убеждала других детей «дисциплинировать» малышей избиванием. Мать зарегистрированных детей не выполняла должным образом свои родительские обязанности, она часто исчезала из дома на несколько дней, оставляя детей на попечении своей матери. В этом семействе в течение нескольких лет была оказана всевозможная помощь: от присутствия социального работника, через помощника семьи и инспектора, вплоть до участкового. Тем не менее, ситуация насилия все еще присутствовала, хотя и в разных конфигурациях. Мать никогда не приходила на заседание рабочей группы и не заботилась о своих детях. В конце концов, суд решил разместить детей в приемной семье, а законным опекуном назначил вторую сестру (с ее согласия), в семье которой не обнаружено признаков патологии. Казалось бы, что положение детей успешно разрешено, проблема заключается в том, что исполнитель насилия – бабушка – также часто оставалась в доме второй дочери, а это означает, что дети продолжали иметь прямой контакт с лицом, виновным в насилии.

Насилие имеет множество последствий, как в функционировании семьи, так и в индивидуальном поведении её отдельных членов. Особенно опасные последствия остаются у детей в психике, что может вызвать множество нарушений или препятствий в дальнейшем развитии, а в некоторых случаях можно говорить об эмоциональной инвалидности (см. Czerw, 2016: 108-109). Это означает, что следует прилагать больше усилий или искать новые решения, чтобы дети все меньше и меньше становились жертвами насилия (см. Marzec, 2008: 21-27). В то же время эти мероприятия должны проводиться как на местном, так и на национальном уровне всеми учреждениями, назначенными для оказания помощи и защиты детей.

Вывод *Conclusions*

При анализе польских данных о насилии в семье следует отметить, что ребёнка чаще всего рассматривают как свидетеля насилия, поскольку насилие не направлено непосредственно на ребенка, а только по отношению к совершеннолетнему члену семьи. Отсюда вытекает однозначный вывод о

том, что ситуации насилия в отношении взрослых не рассматриваются как психологическое насилие в отношении детей. И это означает, что необходимо в первую очередь предпринять усилия для изменения законодательства, с тем чтобы в любой ситуации открытия «Голубой карты» несовершеннолетний ребенок автоматически считался жертвой этого насилия. Кроме того, следет работать над осведомленностью взрослых. Потому что взрослые часто думают, что если ребёнок находится в своей комнате или ребёнок маленький, насилие не влияет на его чувство безопасности. Конечно, это неправда, и стоит просвещать общественность о последствиях насилия в отношении детей.

Несмотря на множество социальных компаний, остаётся желать лучших результатов, инициировать судебное разбирательство в случаях воспитания детей с помощью, так называемых шлепков или авторитарного воспитания. В каждом случае следует помнить, что акты агрессии неизменно влияют на развитие и поведение ребёнка и, следовательно, на его будущую жизнь. Это означает, что противодействие бытовому насилию всегда должно быть актуальной задачей для государства и общества.

Summary

Analysis of the data concerning domestic violence indicates that children are mostly viewed as witnesses rather than victims of violence since such acts are often aimed at other adults rather than directly at the child. This leads to a common misconception that violence affecting adults should not be regarded a mental violence against children. This means that actions should be taken to change legislature so that in each case of starting the Blue Card procedures, minors would be simultaneously regarded victims of violence. Furthermore, awareness of adults should also be raised, because the adults often think that if a child was in his or her own room or it is very young, the violence acts do not impact on their sense of security. Obviously this is not true and society should be aware of consequences of violence against children.

Despite many social campaigns, little has been done to start procedures to prevent raising children by "giving and occasional slap" or using overly strict principles. It should be remembered that violent acts incessantly impact on the development and changing the behaviour of the child, including their future functioning. This means that preventing violence in family should become one of the key objectives to be achieved by the state and society.

Литература References

- Czerw, M. (2016). *Oblicza niepełnosprawności*. W: Karpuszenko, E., Marzec, A. (red.) *Człowiek wobec rzeczywistości społecznej XXI wieku* (ss. 107-118). Częstochowa: Wyd. AJD.
- Kodeks rodzinny i opiekuńczy z 25 lutego 1964r.* (1964). Dz. U. 1964, nr 9, poz. 59 z późn. zm.
- Konwencja o Prawach Dziecka.* (1991). Dz. U. 1991, nr 120, poz. 526 ze zm.

- Makara-Studzińska, M. (2010). *Dziecko jako ofiara przemocy domowej. Portret psychologiczny*. Lublin: Wyd. WSEiI.
- Marzec, A. (2008). Innowacje w pracy i opiece na terenie szkoły. W: Motow, I., Marzec, A. (red.) *Innowacje w opiece i resocjalizacji dzieci i młodzieży* (ss. 21-27). Częstochowa: Wyd. AJD.
- Przemoc wobec dziecka w Polsce. Diagnoza i rekomendacje*. (2013). Warszawa: Wyd. Fundacja Dzieci Niczyje.
- Ustawa o przeciwdziałaniu przemocy w rodzinie z 29 lipca 2005 r.* (2005). Dz. U. 2005, nr 180, poz. 1493 z późn. zm.
- Włodarczyk, J. (2017). *Przemoc wobec dzieci*. Warszawa: Wyd. Fundacja „Dajemy dzieciom siłę”.